

Независимая газета. — 1992.

17 окт. — С. 5.

«ПОЛИТБЮРО»: ЗАСЕДАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Александр Политковский начинает жизнь заново. Возможно, уже без кепки

Ирина Петровская

Портрет

— С АША, последнему выпуску вашей программы «Политбюро» в прошлую пятницу сопутствовала странная, в духе «Взгляда» прежних лет, история с отключением телефонов. Удалось выяснить, что произошло?

— Как только я в прямом эфире в самом начале программы объявил контактный номер, телефон немедленно отключился. А на титрах в конце был снова включен. Вот и вся история.

— А что бы это значило? И кто мог отключить телефон?

— Наша собственная телевизионная АТС. Что бы это значило? Не знаю... Любят нас.

— Может быть, интервью Горбачева тому виной? Кстати, его трудно было пробить в эфир?

— А мы ни у кого не спрашивали, сделали и поставили. Что было потом? Точно не знаю. Кассету с передачей затребовало руководство. Пока никаких оргвыводов не последовало. Да меня это и мало волнует.

— Насколько мне известно, у «ВиДа» достаточно натянутые отношения с руководством телекомпании «Останкино». Не так давно две молодежные газеты переползли общественность сенсационным сообщением: в «Останкино» душат «Взгляд»!

— Не «Взгляд», а «ВиД». Да и не душат. Просто у нас оттяпали часть нашего законного времени. Можно было, конечно, скандалить, качать права: «Мы пахали!» Но лично мне плевать на все это. Мне главное — сделать хорошую программу. Если она получится, ее будут смотреть и в 23.30. Все равно, кроме «ВиДа» и «Новой студии», на телевидении ничего интересного за последний год практически не появилось. В «Останкино» пришло огромное количество непрофессионалов, которые уверены, что телевизионная журналистика ничем не отличается от газетной. Я никогда не позволяю себе писать для газеты — я не умею этого делать. А ТВ я знаю «от» и «до».

— Но «ВиД» — далеко не предел совершенства. У вас много просто слабых программ.

— Я согласен, что не все удачно в канале «ВиДа», есть плохие передачи, и у меня бывают неудачные. Мы пережили после путча страшное время. Все ориентиры были потеряны. Что делать, с кем бороться? Коммунистов нет, Кравченко нет. Я продолжал по инерции делать у себя на кухне «Взгляд» из подполья, только назвал его по-новому — «Политбюро». И вот сейчас начинаю новый проект.

— Он — продолжение «Взгляда»?

— Нет, ни в коей мере. Любая программа имеет срок жизни. «Взгляд» прошел, и все. Правда, меня удивляет, как коротка память у многих наших зрителей и критиков: сегодня редко кто вспоминает «Взгляд» добрым словом. Даже терчин кто-то из ваших телекритиков придумал — «типичная «взглядовщина». Мне моя мама все время говорит: «Какой же ты дурак, на черта ты всюду лез?» Я-то не считаю себя дураком, но она права в одном: здоровье загублено. У нас в «Останкино» повесили объявление: люди, которые были в Чернобыле, должны принести в профсоюзный комитет копии командировочных удостоверений. Видно, для предоставления им каких-то льгот. Но, извините, у меня не было никакого командировочного удостоверения, когда я попал в Чернобыль первый раз — сразу после взрыва. Мне главный редактор молодежной редакции Э. Сагалаев сказал, я поехал, провалился, мне и самому это было важно как журналисту. И я, конечно, как полный идиот, всюду совался, ходил по травке в мертвом городе, по ночам, не мог найти туалета, зашел за угол... Потом оказалось, что туфли, в которых я ходил, нельзя близко к живому существу приближать... Кому все это было нужно? Никто уже не помнит, как загибала жизнь, когда вечером в пятницу выходил «Взгляд»! Я не жалуюсь: забыли так забыли. Я тоже хочу все забыть и начать по новой.

— Ну а все же в чем принципиальное отличие новой программы от «Взгляда»? И как она будет называться?

— Называться она будет по-старому — «Политбюро». Но другое, обновленное «Политбюро». Это еженедельная получасовая программа, первый выпуск которой вы видели в прош-

Фото Александра Тянь-Рядно.

лую пятницу. Мы будем пытаться заниматься организацией общества. Как Ленин-то говорил? Газета — коллективный агитатор, пропагандист и организатор. Я буду, по Ильичу, заниматься последним. Люди сейчас настолько озлоблены и разбеднены, что их надо объединять.

— Но как? Объединяет идея, а как раз идея-то сегодня в обществе отсутствует.

— Для меня всегда была важна чисто интеллигентская теория малых дел. Два года назад я сделал репортаж о Гематологическом центре в Минске. Там 84—86% больных детей умирали. А на Западе было наоборот: 14% умирали, остальные выздо-

рамливали. Сейчас в Минске запальная ситуация, а Гематологический центр стал ведущим во всей Восточной Европе. Сюжет прошел во «Взгляде», потом в Швейцарии, Австрии, ФРГ, потом Раиса Максимовна посетила и «осветила» этот центр. Пошли деньги отовсюду, 10 миллионов рублей тогда набрали. Просто люди не знали. Это означает, что хотя бы одного ребенка я спас, сделал в своей жизни какое-то дело. Пафосно звучит, но для мужика это важно.

Поэтому я хочу, чтобы и от моей новой программы был какой-то толк. Вот показывали фильм о сталкерах — людях, которые живут под землей: это же не просто ради сенсации и экзоти-

ки. Серьезнейшая проблема: городские коммуникации абсолютно беззащитны, в любой момент город — случайно или по воле какого-нибудь маньяка — может взлететь на воздух...

— У вас во «Взгляде» был имидж «народного заступника», борца за справедливость. А важной составляющей этого имиджа была клетчатая кепка. Она останется?

— Не знаю, пока не решил. Многие мои друзья и коллеги считают, что кепка обязательно должна остаться. Я не уверен. По-моему, игры кончились.

— Саша, в заключение о неприятном. Недавно вы стали героем скандальной хроники: вы совершили аварию. Как написала газета «Щит и меч», «новая, теперь уже демократическая номенклатура демонстрирует во всех проявлениях свое воспитание, свое истинное лицо, свою культуру»...

— Я не стал героем скандальной хроники — меня им сделали ваши коллеги-газетчики, поверив милицейский протокол и не удостоверившись спросить и меня, как было дело. Я действительно в темноте ударил стоящую машину. Пострадало только железо. Я не был пьяным и разбушевавшимся депутатом, которого пытались успокоить проезжавший мимо Влад Листьев, как было написано в «НГ». Я совершенно спокойно согласился поехать в отделение милиции, хотя по закону милиция обязана была вызвать дежурного по Верховному Совету и производить все действия в присутствии свидетелей. И вот когда я проходил мимо милиционера, чтобы сесть в их машину, он заломил мне руку — так, что я ударился лицом о машину. И тут возникает та единственная правда, которая содержалась в публикации: я действительно ругался и требовал свидетелей. А потом под бытовое дорожное происшествие была подведена политическая подоплека: «Депутаты-беспредельщики творят, что хотят, никакой управы на них нет». На самом деле беспредел допустила милиция, и, как в старые застойные времена, вместо того чтобы признать это и извиниться, она начинает защищать честь мундира, пытаясь меня максимально оболгать. Я никогда в жизни не позволял и не позволяю себе ничего подобного. Мне слишком дорога моя репутация.